

По тропамъ, скаламъ и ледникамъ Алая, Памира и Дарваза.

(Изъ путевыхъ записокъ)¹⁾.

Н. Косиненко.

Въ 1909 году мнѣ пришлось совершить поѣздку по Большой Памирской дорогѣ и долинѣ Алая, затѣмъ проникнуть въ Дарвазъ, въ долины Язгулёма и Ванча и изслѣдовать эту малонаселенную, частью совсѣмъ неизвѣстную мѣстность.

Такъ какъ описываемыя интересныя мѣста должны безусловно привлечь вниманіе ученыхъ всѣхъ категорій, то я буду разсматривать ихъ главнымъ образомъ въ отношеніи удобствъ сообщеній.

Началь я свое путешествіе изъ города Оша Ферганской области, отправившись по обычной большой дорогѣ, черезъ Гульчу и Суфи-курганъ на перевалъ Талдыкъ. Спустившись съ перевала Талдыкъ къ ур. Сарыташъ, попадаешь въ широкую Алайскую долину—эти священныя пастбища киргизъ. Въ ущельяхъ, сквозящихъ синеватымъ туманомъ, по сторонамъ долины, кое-гдѣ чернѣютъ кибитки. Бѣлесоватыми лишаями выдѣляются на гигантскихъ горныхъ пастбищахъ разсѣянныя вездѣ стада овецъ.

Долина тянется болѣе чѣмъ на сто верстъ, понижаясь отъ

¹⁾ При чтеніи статьи Н. Косиненко слѣдуетъ пользоваться листами 6 и 7, ряда VIII десятиверстной военно-топографической карты Туркестанскаго края. Р е д.

востока къ западу съ 10 тысячъ до 8 тысячъ футъ надъ уровнемъ моря. Ширина ея, въ центральной части верстъ 15—20, постепенно суживается къ востоку и западу крутыми и короткими предгорьями Алайскаго хребта и длинными величественнаго Заалайскаго. Въ узкой своей части долина Алая въ ширину 4—5 верстъ.

Древесной растительности нѣтъ почти никакой, исключая кустовъ и нѣсколькихъ деревьевъ около Дараутъ-кургана по Кизыль-су. Зато, благодаря богатому орошенію, долина обильно покрыта сочною травою, на которой хорошо откармливается мелкій и крупный скотъ.

На всемъ протяженіи Алая протекаетъ р. Кизыль-су, лѣтомъ очень многоводная, благодаря сильному таянію нагорныхъ снѣговъ. Переправа черезъ эту быструю рѣку въ бродъ, безъ проводника, довольно опасна, хотя бродовъ въ восточной части много, особенно по утрамъ, когда вода изъ тающихъ снѣговъ еще не добирается до главной рѣки.

Берега рѣки глинисты, дно песчаное и иногда топкое; мѣстами Кизыль-су разливается на большое число рукавовъ. Лѣтомъ вода рѣки мутная и красновато-кирпичнаго оттѣнка отъ песку и глины, осенью и зимою вода чище, но ее значительно меньше. Въ горныхъ же притокахъ Кизыль-су, особенно правыхъ, вода и лѣтомъ бываетъ чистая.

Ключи въ долинѣ Алая встрѣчаются около Дараутъ-кургана; болотъ нѣтъ, колодцевъ тоже. Въ самой западной части Алая существуетъ искусственное орошеніе—арыки для поливки полей.

Лѣтомъ дневная жара достигаетъ иногда 30° С., по ночамъ холодно, а утренники бываютъ даже морозные.

Зима наступаетъ рано: первый снѣгъ выпадаетъ въ октябрѣ, а послѣдній—въ срединѣ апрѣля. Долина заносится большими массами снѣга глубиною не менѣе полусажени, а на сѣверѣ даже болѣе сажени. Зимою дуютъ сильные вѣтры, а морозы достигаютъ 30—40° С.

Съ давнихъ поръ долина служитъ мѣстомъ лѣтовокъ киргизъ бывшаго Кокандскаго ханства, которые прибываютъ на Алай въ концѣ мая или въ началѣ іюня и остаются почти до сентября, когда уже и возвращаются на свои зимовки въ Фергану. Переселяются киргизы обыкновенно цѣлыми родами, потому что земля здѣсь принадлежитъ родамъ, а не отдѣльнымъ семьямъ; да отстоять свои права на эти никѣмъ не защищаемыя и ничѣмъ неограни-

ченныя пастбища отъ захвата другими кочевниками подъ силу только всему роду.

Всего прибываетъ лѣтомъ въ Алайскую долину около тысячи юртъ. Зимой кибитки остаются только въ западной части Алая, всего 300 юртъ.

Въ административномъ отношеніи восточная половина Алая до Сарыкъ-могола принадлежитъ къ Ошскому уѣзду, а западная—къ Маргеланскому; подати киргизы платятъ по мѣсту своихъ зимовокъ. Кочевки по долинѣ Алая разбросаны небольшими группами въ 5—6 юртъ по горнымъ рѣкамъ; на каждую юрту приходится по 5—10 человекъ. Постоянно живущіе киргизы западной части долины имѣютъ свои зимовки по ущельямъ Алайскаго и Заалайскаго хребтовъ. Дровъ въ долинѣ достать нельзя, а топливомъ служитъ только кизякъ.

Что касается дѣятельности населенія, то земледѣліемъ занимаются только мѣстные киргизы западной части, но у нихъ въ ущельяхъ даже ячмень не всегда успѣваетъ созрѣть. Всего собирается здѣсь пшеницы свыше $1\frac{1}{2}$ тысячъ пудовъ, а ячменя около тысячи пудовъ. Въ восточной части Алая хлѣбопашество невысказано, благодаря высотѣ и раннему наступленію зимы.

Главнымъ промысломъ служитъ скотоводство, которымъ занимаются всѣ жители Алая. Ежегодно въ Алайскую долину прибываетъ въ среднемъ лошадей до 6 тысячъ, крупнаго рогатаго скота 3 тыс. головъ, верблюдовъ— $1\frac{1}{2}$ тысячи и барановъ и козъ до 30 тысячъ.

Огородничество, садоводство, охота и горный промыселъ не развиты, а торговли нѣтъ никакой.

Главный путь долины Алая идетъ правымъ берегомъ Кизыль-су, съ небольшими подъемами и спусками. По этому тракту лѣтомъ двигается большое число купцовъ и паломниковъ изъ Вост. Туркестана въ Бухару. По лѣвому берегу имѣется также дорога, но она хуже и труднѣе, потому что пересѣкаетъ много большихъ горныхъ рѣкъ съ Заалайскаго хребта. Въ дорогъ по Алайской долинѣ вездѣ можно проѣхать.

Кромѣ пройденнаго перевала Талдыка, черезъ Алайскій хребетъ имѣется еще нѣсколько выючныхъ путей и переваловъ, соединяющихъ нашъ путь съ Ферганою. Но всѣ они не разработаны и находятся въ безобразномъ состояніи, исключая пер. Тенгизъ-бая, въ $12\frac{1}{2}$ тыс. футъ, находящагося въ 3-хъ переходахъ отъ г. Скобелева.

Зимой же, благодаря неудовлетворительности и этихъ сообщеній, а также благодаря глубокому снѣгу, долина Алая совершенно изолирована отъ культурныхъ и торговыхъ центровъ.

Важными пунктами на Алаѣ являются: 1) Кишлакъ Дараутъ-курганъ, въ 20 кибитокъ съ небольшою глиняною крѣпостцою, имѣющей значеніе какъ узелъ 4 дорогъ и какъ пунктъ, заграждающій проходъ черезъ пер. Тенгизъ-бай къ гор. Скобелеву, тѣмъ болѣе что ближайшіе перевалы труднопроходимы, и 2) ур. Сарыташъ, узелъ дорогъ въ г. Ошъ (170 вер.), въ Иркештамъ (65 вер.) и къ Памирскому посту (212 верстъ).

Въ общемъ, Алайская долина является широкой дорогой, связывающей Бухару съ Вост. Туркестаномъ, но удобною только въ лѣтнее время.

Путь изъ Алайской долины къ Памирскому урочищу Кокджаръ идетъ отъ Дараутъ-кургана черезъ Алтынъ-мазаръ и далѣе по р.р. Муксу и Баляндъ-киику до Кокджара.

До Алтынъ-мазара путь, какъ выючный, не представляетъ особыхъ затрудненій. Онъ идетъ вдоль праваго берега р. Алтынъ-дары по скалистому ущелью съ многочисленными осыпями и незамѣтно выводитъ къ перевалу Терсъ-агаръ, высотой 12¹/₂ тыс. футъ, за которымъ спускается, хотя и зигзагами, но чрезвычайно круто въ самую долину Муксу. Съ пер. Терсъ-агаръ эта долина представляется громаднымъ проваломъ, глубиною около 3 тысячъ футъ, по дну котораго разбѣгаются многочисленные рукава Муксу. Впереди за нею возвышаются три пика, высотой не менѣе 20 тыс. футъ, болѣе чѣмъ на половину покрытыхъ снѣгомъ.

Здѣсь, южнѣе подошвы перевала Терсъ-агаръ, имѣется обширный тугай изъ тала, облѣпихи и шиповника, съ разбросанными по немъ ветхими зимовками Алтынъ-мазара. Въ немъ находится 15 кибитокъ киргизъ, на лѣто откочевывающихъ на сѣверный склонъ Терсъ-агара. Они занимаются скотоводствомъ и земледѣліемъ, и поэтому необходимое въ поѣздкѣ продовольствіе у нихъ достать возможно.

Лѣтомъ здѣсь жарко, но зимою (декабрь—мартъ) снѣгъ до пояса, хотя самая рѣка льдомъ никогда не покрывается.

Киргизы завѣряли меня, что далѣе пройти лѣтомъ невозможно: въ Сель-дарѣ (верховья Муксу), благодаря сильному таянію ледниковъ, такъ много воды, что переправиться нельзя ни подъ какимъ видомъ, — такая попытка допустима только поздней

осенью, когда таяніе прекращается и вода въ рѣкахъ спадаетъ до минимума. «Дороги нѣтъ, вода глубока»,—былъ одинъ отвѣтъ киргизъ на просьбу проводить хотя бы только до ледника Федченко. Пришлось до этого ледника произвести самому предварительную развѣдку, налегкѣ, безъ вьюковъ, съ трудомъ убѣдивъ одного престарѣлаго киргиза, Махметъ-куль-бая, сдѣлать только попытку.

Широкая стремительная рѣка дѣйствительно представляетъ серьезное препятствіе. Она разбилаь на множество рукавовъ на мелкокаменистомъ рѣчномъ ложѣ, шириною болѣе 2-хъ верстѣ. Прохожденіе каждаго рукава сопряжено съ большою опасностью. Оступись лошадь, и спасенія почти нѣтъ, а оступиться легко, потому что теченіе непрерывно ворочаетъ по дну большіе камни. Махметъ-куль-бай останавливался передъ каждымъ такимъ рукавомъ, со слезами на глазахъ упрашивая вернуться, тѣмъ болѣе что вода прибывала съ каждой минутой.

Тѣмъ не менѣе рекогносцировка была удачна: хотя съ большимъ трудомъ, но послѣ полудня мы дошли до конечныхъ моренъ ледника Федченко, изъ-подъ которыхъ вырывается, обильная водою, мутная Сель-дара; отъ русла ея конца моренному нагроможденію не видать.

Обратный путь пришлось уже карабкаться по скалистой, почти козьей тропѣ праваго берега рѣки, вслѣдствіе большой прибыли воды.

Послѣ дневки, рано утромъ 1-го іюля, выступили съ вьюками и проводниками по усѣянному щебнемъ и гальками дну долины. Двигались быстрѣе—путь былъ уже знакомъ. Но на одномъ изъ рукавовъ, шедшій отдѣльно начальникъ отряда, неожиданно попалъ на такое глубокое мѣсто, что погрузился съ лошадью въ ледяную воду. Лошадь опрокинулась и, отдѣлившись отъ нея, развѣдчикъ былъ увлеченъ быстрымъ теченіемъ Сель-дары.

Совершенно изнемогшій и почти теряющій сознаніе онъ былъ вытасченъ изъ воды казаками ¹⁾ и киргизами другого развѣдочнаго отряда (капитана Романовскаго и кн. Трубецкаго), случайно шедшаго въ полуверстѣ сзади въ этотъ единственный совмѣстный переходъ. Черезъ часъ, подъ самымъ ледникомъ Федченко, потерпѣвшій аварію еще разъ встрѣтился со своими спасителями.

¹⁾ Приказъ по казачьимъ и иррегулярнымъ войскамъ 7 мая 1909 г. № 37.

Рукавъ Баяндъ-кіикъ, впадающій здѣсь въ Сель-дару, оказался въ бродъ непроходимымъ и преградилъ дорогу къ лѣвому его берегу. Пришлось подниматься прямо вверхъ по отвратительной галькѣ и щебню конечной морены ледника Федченко.

Подъемъ на ледникъ кругъ и труденъ. Попытка пройти по лѣвой боковой моренѣ не удалась: «хаосъ» глыбъ и скалъ преградилъ намъ дорогу. Пришлось заночевать подъ ледникомъ.

На слѣдующій день снова двинулись по моренному нагроможденію оконечности ледника, но по серединѣ его ложа. Лошади скользили по обнажавшемуся отъ мелкаго щебня льду и падали, съ трудомъ поднимаясь. Отъ остраго щебня кровавые слѣды ихъ ногъ обозначали нашъ путь. Часа четыре мы шли, ведя въ поводу своихъ лошадей и поднимаясь съ одного гребня морены на другой. Верстѣ: черезъ шесть съ конечной морены ледника мы вступили на чистый ледъ, гдѣ можно было сѣсть на коней, хотя съ ежеминутнымъ рискомъ кувырнуться. Впереди разстилалась пустынная ледяная поверхность.

Жутко было ступать по этой невѣдомой, никогда не знавшей человѣческихъ слѣдовъ области, гдѣ ожидало насъ много опасностей, свойственныхъ этому царству льда.

Все чаще и чаще нашъ путь преграждали ледяныя трещины шириною отъ фута до сажени, но пока онѣ легко обходились.

Затѣмъ снова пришлось двигаться между грядами моренъ и колоссальными ледяными пирамидами. Количество трещинъ такъ увеличилось, что на 23-ей верстѣ отъ бивака мы попали въ цѣлую сѣть ихъ, преградившихъ намъ путь на всѣ стороны, и едва удалось найти обратный выходъ — слѣды копытъ на льду были почти незамѣтны.

Тогда свернули въ правый боковой ледникъ, весь загроможденный моренами, но по бокамъ ложа котораго на скалахъ зеленѣла трава. Съ большимъ трудомъ мы пересѣкли нѣсколько мощныхъ моренъ, прежде чѣмъ попали на этотъ ледникъ, и только къ вечеру, послѣ невыносимо труднаго перехода, мы расположились на бивакъ, верстахъ въ шести отъ сліянія ледниковъ, и простояли на немъ цѣлую недѣлю, за что и самый ледникъ получилъ названіе «бивачнаго».

На бивакѣ днемъ, благодаря таянію льда—непрерывный трескъ и грохотъ отъ скатывающихся галекъ и щебня въ ледниковыя трещины и озера.

У ледниковъ не видно и слѣда древесной растительности,

но, къ счастью, предвидя отсутствіе топлива, мы захватили съ собою небольшіе запасы его, дней на пять, при условіи, что чай можно себѣ допустить только разъ въ день — во время варки пищи.

Отсюда былъ предпринятъ рядъ развѣдокъ безъ проводника, для отысканія пути въ долину Ванча. На другой день возобновили попытку пройти безъ вьюковъ къ пер. Кашаль-аякъ лѣвою стороною ледника Федченко, но верстахъ въ десяти отъ бивачнаго ледника опять цѣлый либиринтъ трещинъ преградилъ намъ дорогу, причемъ одна лошадь едва не погибла, попавъ въ трещину—съ трудомъ вытащивъ ее, вернулись на ночлегъ.

На слѣдующій день отправились втроемъ налегкѣ вверхъ по бивачному леднику. Движеніе было очень трудное. Сначала двигались крутымъ щебнистымъ косогоромъ праваго берега ледника, прошли нѣсколько грязныхъ оползней, на которыхъ люди и лошади сползали внизъ вмѣстѣ со щебнемъ.

На 4-ой верстѣ отъ бивака наткнулись мы на пирамиду, сложенную изъ галекъ и обломковъ скалы. Это единственный здѣсь слѣдъ человѣка. 70-лѣтній старикъ Махметъ-куль-бай, не допуская и мысли о возможномъ когда-бы то ни было прохожденіи этого ледника, пришелъ въ страшное недоумѣніе. Но къ вечеру онъ разсказалъ слышанную имъ въ дѣтствѣ легенду, что когда-то этими ледниками пытались вернуться въ Дарвазъ таджики, пришедшіе черезъ Каратегинъ, но о нихъ потомъ больше никто не слышалъ—всѣ они погибли ¹⁾).

Верстахъ въ десяти отъ бивака пришлось свернуть на гребень правой морены. Такъ прошли еще верстѣ восемь. Но здѣсь ледниковые потоки, глубиною болѣе сажени, совершенно преградили дорогу.

Обойти было невозможно, такъ какъ по сторонамъ ихъ выступали прозрачныя ледяныя конусы и пирамиды, высотой до 5 сажень. Повернули на бивакъ, хотя верстахъ въ 12 впереди виднѣлось недоступное намъ широкое сѣдло между гигантскими горными массивами, заваленными съ этой стороны снѣгомъ.

Наконецъ, сдѣлана была еще одна, послѣдняя попытка съ

¹⁾ На стр. 22 «Дарвѣза» Кузнецова имѣется указаніе, что лѣтъ 150 назадъ управитель Ванча Шабосъ-ханъ ходилъ черезъ единственный здѣсь доступный переваль Кашаль-аякъ грабить киргизъ, но съ тѣхъ поръ ледники значительно увеличались, и теперь доступъ къ перевалу Кашаль-аякъ изъ долины Ванча преграждается совершенно отвѣснымъ ледникомъ.

тремя охотниками снова пройти по главному леднику. На десятой верстѣ знакомой уже дороги свернули къ восточному берегу ледника, гдѣ, казалось, было меньше трещинъ. Пройдя еще верстѣ восемь вышли, на покрытое снѣгомъ ровное ледниковое поле. Движеніе верхомъ становилось невозможнымъ: снѣгъ таялъ и лошади погружались по брюхо. Идти же пѣшкомъ было невыносимо трудно. Высота давала себя чувствовать въ формѣ страшной отдышки и сердцебіенія. 2 развѣдчика прошли впередъ и, спустившись версты двѣ съ перевала, дошли до преграждавшаго дальнѣйшій путь обрыва, гдѣ и расположились на скалѣ, обнаженной отъ снѣга. Уже вечерѣло, когда подошелъ я съ третьимъ охотникомъ. Выбирать что-либо лучшее было поздно, и поэтому утомленные мы свалились на камень, на которомъ и заночевали, — благо захвачена была теплая одежда.

Сонъ былъ неважный и превратился въ простое пережиданіе ночи, тѣмъ болѣе, что все время стоялъ незатихающій гулъ и грохотъ отъ массовыхъ каменистыхъ и снѣжныхъ обваловъ съ сосѣднихъ вершинъ, а затѣмъ пошелъ и снѣгъ.

Чуть забрезжилъ свѣтъ, заглянули въ пропасть, надъ которою ночевали: отвѣсные скалистые и снѣжные обрывы въ глубочайшую котловину; а впреди кромѣ горъ ничего не видно. О спускѣ не могло быть и рѣчи. Кромѣ того нужно было возвращаться поскорѣе, пока поверхность снѣжника не успѣетъ разогрѣться и хорошо держать лошадь.

Былъ ли это перевалъ Кашаль-аякъ?—трудно сказать... Онъ не вполне соотвѣтствуетъ положенію своему на существующей картѣ. Солдаты его называли переваломъ развѣдчиковъ.

Итакъ, всѣ возможныя попытки найти путь въ долину Ванча черезъ этотъ «Ледовитый океанъ» потерпѣли неудачу. Въ общей сложности здѣсь по ледникамъ было сдѣлано свыше полутора ста верстѣ.

На слѣдующій день спустились къ подножію ледника Федченко. Оставалось итти по р. Баляндъ-кіикъ до памирскаго урочища Кокджаръ, откуда надѣялись изыскать путь въ Дарвазъ, но теперь уже черезъ неизслѣдованную долину Язгулѣма.

Дорога здѣсь трудна, особенно по лѣвому берегу Баляндъ-кіика до ур. Зулгомартъ.

Благодаря частымъ крутымъ подъемамъ и спускамъ на этомъ пути, то и дѣло приходится поправлять вьюки, такъ какъ они все съѣзжаютъ, то впередъ, то назадъ. Есть нѣсколько трудныхъ

переправъ, чрезвычайно опасныхъ, такъ какъ горные притоки Баляндъ-кіика — настоящіе водопады: упади или оступись лошадь, и гибель всадника и коня неизбежна. Отъ Зулгомарта дорога улучшается, а подъемъ къ перевалу Тахта-курумъ совсѣмъ пологій. Высота перевала 14 тысячъ футъ; спускъ съ него много круче подъема.

По Баляндъ-кіику изрѣдка попадаются маленькія зимовки, но теперь здѣсь никого нѣтъ, и вообще до Кокджара нельзя встрѣтить лѣтомъ ни человѣка, ни скотины.—Важнымъ недостаткомъ этой дороги является еще отсутствіе древеснаго топлива.

Только въ 110 верстахъ отъ Алтынъ-мазара, въ ур. Кокджаръ—этой большой горной котловинѣ, высотой въ 12 тысячъ футъ, — мы встрѣтили людей и первую киргизскую лѣтовку въ 5 юртъ.

Большая часть времени, назначеннаго на поѣздку, истекла, нужно было торопиться и поэтому, зная предстоящія трудности, Отказаться отъ большинства вьюковъ, т.-е. ѣхать налегкѣ, отправивъ часть утомленныхъ людей и лошадей, а также палатку, ягтаны и все сколько-нибудь тяжелое обратно въ г. Ошъ.

Взяли только продовольствіе, подковы, кошму и необходимую одежду.

Дорога отъ Кокджара до ледника Танымась идетъ первая десять верстъ карнизомъ лѣваго берега р. Кокджаръ и довольно удобна для движенія, исключая крутого спуска къ р. Танымась. Далѣе надо итти по широкой долиинѣ этой рѣки, сплошь усыпанной крупными и мелкими камнями размытыхъ моренъ, безпрестанно пересѣкая въ бродъ опасные рукава.

Кое-гдѣ лежатъ остатки снѣга. Между камнями не мало альпійскихъ растений, представляющихъ красивый зеленоватый коверъ.

Заночевали верстахъ въ двухъ отъ ледника Танымась, впервые подъ совершенно открытымъ небомъ, при 3-хъ градусномъ морозѣ. Начались заболѣванія среди развѣдчиковъ.

По внѣшнему виду, съ бивака, ледникъ этотъ не предвѣщалъ ничего хорошаго. Оставивъ вьюки, съ однимъ мѣстнымъ таджикомъ и двумя охотниками, направился я къ подножію ледника Танымась, изъ-подъ котораго вырывается нѣсколькими рукавами грязный потокъ. Съ большимъ трудомъ мы подняли лошадей на морену, но провести ихъ больше версты оказалось невозможнымъ. Затѣмъ сдѣлали еще двѣ версты безъ лошадей, карабкаясь

по настоящему хаосу ледяныхъ пирамидъ и конусовъ, верхній слой льда которыхъ пористый, влажный и цвѣтомъ напоминаетъ мѣль.

Двигаться дальше не было никакой возможности: трещины и ледяные хребты совершенно преградили дорогу по всѣмъ направлѣніямъ.

Въ общемъ, ледникъ Танымасъ для движенія несравненно болѣе труденъ, чѣмъ ледникъ Федченко. По словамъ мѣстнаго стараго амина (старосты), никто никогда не только не поднимался на этотъ ледникъ, но даже и не подходилъ къ его основанію.

Съ тяжелымъ сердцемъ пришлось отказаться и отъ этого направлѣнія, но было трудно отказаться отъ населенной долины Язгулёма, не пройденной еще ни однимъ европейцемъ и на картахъ донинѣ обозначенной только пунктиромъ.

Рѣшено было сдѣлать еще одну, но уже послѣднюю попытку обойти южнѣе и проникнуть черезъ обозначенный на картѣ крестикомъ переваль (Коргурбождъ) Конгурботъ—названіе мѣстнымъ жителямъ совсѣмъ неизвѣстное.

Неудачи, заболѣванія и лишенія, благодаря отсутствію выюковъ и всякихъ не только культурныхъ, но просто человѣческихъ удобствъ, а главное неизвѣстность впереди, такъ какъ сопровождавшіе насъ два мѣстныхъ таджика, указывая на небо, говорили, что дороги нѣтъ и вода по всѣмъ направлѣніямъ теперь глубока,—все это дѣйствовало очень угнетающе.

Спускаться отъ ледника по Танымасу было также трудно. Но все-таки въ теченіе цѣлаго дня прошли около 30 верстъ и остановились въ ур. Ортоболюнъ, гдѣ нашли подножный кормъ и топливо.

Въ 6 верстахъ ниже, идя по руслу той же рѣки Танымасъ, носящей здѣсь названіе Кудары, а далѣе Бартанга, мы встрѣтили первую таджицкую лѣтовку Ноотачъ. За нею долина рѣки суживается и тропа вьется по узкому карнизу праваго берега Кудары, иногда по осыпи.

Передъ ур. Полизъ пришлось спускаться по узкой осыпи камней, сдавленной между двумя стѣнами скалъ. Никакого слѣда тропы, потому что мелкіе камни ползутъ и сыпятся, какъ горохъ, по крутому откосу. Чтобы не засыпать камнями впереди идущаго, слѣдовало спускаться по одиночкѣ, на значительномъ разстояніи другъ отъ друга. Вся глубина пропасти, въ которую нужно слѣзаться, все время передъ нашими глазами, прямо подъ ногами и,

только обладая нервами таджика, можно хладнокровно смотрѣть на эту головокружительную глубину.

На этомъ крутомъ и опасномъ, благодаря обваламъ, спускѣ, не обошлось къ сожалѣнію безъ неудачи,—здѣсь едва не погибъ одинъ изъ моихъ развѣдчиковъ, Плоховъ. Огромная каменная глыба сорвалась и съ ужаснымъ шумомъ понеслась какъ-разъ на него. Почувявъ бѣду, онъ перевернулся и слетѣлъ съ карниза.— Мы потеряли надежду его увидѣть, но, къ счастью, на сажень ниже оказался небольшой уступъ, за который онъ успѣлъ зацѣпиться и глыба перелетѣла черезъ его голову, и онъ отдѣлался ушибами и вывихомъ ноги, которую мы здѣсь собственными усилиями и вправили... Все же цѣлую послѣдующую недѣлю онъ хромалъ, и его пришлось таскать гдѣ на плечахъ людей, гдѣ на ишакахъ, что сильно тормозило наше путешествіе.

Полизъ — первая зимовка, поражающая нищетою: взрослые обитатели ея въ рубищахъ, а дѣти совершенно голыя. Единственная смазанная глиною постройка состоитъ изъ камней, прислоненныхъ къ огромной скалистой глыбѣ.

На другомъ берегу Кудары также виднѣются таджицкія зимовки.

Далѣе, до кишлака Кара-курганъ, тропа идетъ большею частью по узкимъ карнизамъ, засыпаннымъ крупными и острыми обломками камней. Во многихъ мѣстахъ на тропу только намекъ. Препятствіемъ здѣсь служатъ очень трудныя переправы черезъ притоки Кудары: р. Ягачъ-курганъ и особенно черезъ страшный водопадъ р. Бошюръ. Лошадей черезъ послѣдній тянули на двухъ арканахъ: цѣлая каменная глыба непрерывно ворочается подъ ихъ ногами. А людямъ пришлось обходить болѣе полуверсты берегомъ по невозможно трудной осыпи, каждый шагъ расчищая палками, до естественнаго моста на двухъ огромныхъ сдвинувшихся скалахъ, подъ которыми въ мрачной пропасти бѣжитъ Бошюръ съ невообразимымъ гуломъ. Это непроходимое препятствіе легко устранимо постройкою моста изъ подручнаго матеріала — большихъ березъ, здѣсь же растущихъ.

Вскорѣ за этой переправой мы шли на протяженіи $2\frac{1}{2}$ верствъ по невыразимо трудной осыпи. Щебень, то и дѣло, ползетъ подъ ногами, и при каждомъ шагѣ и пѣшій и лошадь немного сползаютъ внизъ, что сильно задерживаетъ движеніе. Мѣстами люди буквально цѣпляются за скалы, а лошадей для обхода этихъ скалъ приходится спускать сверху внизъ и наоборотъ. Эти $2\frac{1}{2}$ версты

шли болѣе трехъ часовъ, несмотря на содѣйствіе мѣстныхъ таджиковъ, вышедшихъ къ намъ навстрѣчу. Никогда ранѣе лошадь здѣсь не проходила.

Затѣмъ до Кара-курмана дорога тоже трудна, но задержекъ особенныхъ не было.

Кара-курманъ—большой кишлакъ, гдѣ можно найти необходимое довольствіе для людей и лошадей.

За Кара-курманомъ еще болѣе трудная переправа черезъ слѣдующій притокъ Танымаса—р. Руджъ. Таджики отплевываются, когда говорятъ о ней. Это нѣчто невѣроятное. Рѣка бѣшено клокочетъ въ чрезвычайно узкой и глубокой тѣснинѣ. Подъемъ и спускъ людей по отвѣснымъ скалистымъ берегамъ совершается на арканахъ. Гдѣ возможно, задніе поддерживаютъ ноги впереди идущаго.

Когда я съ чрезвычайными усиліями поднялся на другой берегъ, бывшіе тутъ таджики поздравляли меня съ благополучной переправой. Сами они сообщаются лѣтомъ только въ исключительныхъ случаяхъ, обязательно группами не менѣе 2—3-хъ, и лазятъ босикомъ, поддерживая другъ друга при помощи аркановъ и цѣпляясь по скаламъ болѣе руками, чѣмъ ногами.

Устройство и тутъ моста свело бы на нѣтъ это, въ буквальномъ смыслѣ слова, непроходимое препятствіе. Лошадей переправить здѣсь нельзя,—пришлось ихъ пустить на длинныхъ арканахъ вплавь по Танымасу. Переправа ихъ началась до полудня и закончилась только къ вечеру.

Слѣдующія 12 верстъ до Ташкурмана и затѣмъ 11 верстъ до Орошора препятствій особенныхъ не имѣютъ.

По пройденной, единственной здѣсь дорогѣ, лѣтомъ никто не ходитъ.

«Только казенные царскіе люди могутъ здѣсь пройти» говоритъ мѣстный аминъ (старшина).

Отъ Кокджара до Орошора всего 95 верстъ.

Почва дороги каменистая, только на первыхъ десяти верстахъ она скорѣе песчаная.

Растительности не особенно много: по ущельямъ встрѣчаются кустики и отдѣльныя деревья березы и арчи, а не доходя Полиза на правомъ берегу Кудары имѣются двѣ березовыя рощи. Въ кишлакахъ Ташкурманъ и особенно Явшоръ большіе сады. Топливомъ большей частью служатъ дрова, но употребляютъ также и кизякъ.

Всѣ притоки Танымаса отличаются чистою водою; по дорогѣ встрѣчаются ключи, а въ населенныхъ пунктахъ—арыки (искусственное орошеніе).

Зима здѣсь суровая и снѣжная и продолжается около полу-года. Снѣгъ глубокій. Весною дожди, лѣтомъ жарко, хотя морозные утренники бываютъ во всѣ мѣсяцы года.

Населенія до 500 душъ; изъ нихъ большая половина приходится на Орошоръ съ Явшоромъ. Все таджики одной Орошорской волости, исповѣдуютъ мусульманскую религію шіитскаго толка; хотя мечетей не имѣютъ, но высоко чтятъ могилы святыхъ и предковъ, которыя во множествѣ встрѣчаются вдоль дороги. Важнѣйшіе населенные пункты по пройденной дорогѣ: Каракурганъ—20 кибитокъ, Таш-курганъ—13 кибитокъ и Орошоръ съ Явшоромъ—55 кибитокъ. Постройки обширны, въ каждой можно размѣстить человѣкъ до 20, хотя въ среднемъ въ кибиткѣ находится 4—5 человѣкъ.

Таджики живутъ здѣсь осѣдло; только лѣтомъ переѣзжаютъ на пастбища, расположенныя поблизости отъ зимовокъ, оставляя на нихъ необходимое количество взрослыхъ для обработки полей и наблюденія за посѣвами. Главное занятіе—земледѣліе. Пшеницы собираютъ здѣсь свыше 2 тысячъ пудовъ, проса до 600 пудовъ, а ячменя съ горохомъ—4 тыс. пудовъ.

Въ общемъ у мѣстныхъ таджиковъ нерѣдко ощущается недостатокъ хлѣба. Въ Орошорѣ встрѣчается и клеверъ, котораго собираютъ до 10 тыс. сноповъ, сохраняемыхъ для корма зимою скота.

Скотоводство мало развито. Лошадей во всей волости 30, ишаковъ—150, крупнаго рогатаго скота до 1.000, а барановъ и козъ до 2.000 головъ. Мѣстные безхвостые бараны мелки и малопитательны.

Огородничествомъ занимаются въ западной части, гдѣ произрастаютъ арбузы, дыни, табакъ. Урючные и яблочныя сады имѣются въ Явширѣ и Ташкурганѣ.

Охота и другіе промыслы мало развиты. Ружей здѣсь наберется не болѣе 20.

Ниже по Бартангу добываютъ золото. Поверхностныя розсыпи обнаружены по берегамъ р. Танымаса; повидимому, золото приносится истоками этой рѣки.

Перевозочныхъ средствъ почти нѣтъ, всѣ тяжести носятъ обыкновенно на плечахъ, изрѣдка на ишакахъ.

Въ общемъ, путь этотъ въ нынѣшнее время допускаетъ движеніе только въ малую воду, т.-е. осенью, зимою и раннею весною, съ легкими вьюками, сопровождаемыми пѣшими проводниками. Но устройствомъ нѣсколькихъ мостовъ черезъ притоки Танымаса можно значительно улучшить дорогу, а если построить кое-гдѣ мосты и черезъ самый Танымасъ, то трудно доступный участокъ дороги вблизи Кара-куртана станетъ вполне удобопроходимымъ.

Отъ Орошора начинается важнѣйшій, до сего времени неизвѣстный участокъ пройденнаго пути. Къ перевалу Орошоръ-язгулѣмскому поднимались зигзагами по очень крутому и каменистому косогору праваго берега р. Язгулѣмъ-дары. Насъ сопровождали человѣкъ 10 таджиковъ. Верстахъ въ 15 отъ Орошора пересѣкли порядочный ледникъ съ вытекающимъ изъ-подъ него мутнымъ потокомъ. Затѣмъ миновали послѣднюю лѣтовку Сугервотъ, гдѣ живутъ старики, женщины и дѣти изъ Орошора. Лѣтовка эта, подобно прочимъ таджицкимъ, нѣчто невѣроятное, какъ жилье человѣка: къ скалѣ, наклоненной къ горизонту подъ острымъ угломъ, прислонена ничѣмъ не связанная, сложенная изъ камней стѣнка, сверху прикрытая вѣтвями арчи. Кромѣ наклона скалы ничто болѣе не защищаетъ сверху отъ дождя и ненастья.

На 18-ой верстѣ отъ Орошора поднялись на ледникъ. Подъемъ крутъ и труденъ, но ходьба по самой поверхности ледника, хотя и представляющей настоящій хаосъ торчащихъ иголь и бугорковъ, сравнительно удобна, — идешь какъ по твердому снѣгу. Верстахъ въ пяти перешли на снѣжникъ, на которомъ лошадь проваливается днемъ по брюхо. Пройдя снѣжникомъ около версты, свернули на самый перевалъ. Подъемъ крутъ, ведетъ по мягкимъ снѣжнымъ заваламъ или по ползучей щебнистой осыпи. Двигаться чрезвычайно трудно. Только сознаніе, что идемъ по землѣ, гдѣ ни разу еще не ступала нога европейца, какъ-то пріятно дѣйствовало, придавая намъ силы.

Было 3 часа дня, но двухъ оставшихся до перевала верстъ пройти въ этотъ день было не по силамъ. Приходилось отложить подъемъ до утра, тѣмъ болѣе что поверхность снѣжника рано утромъ не успѣваетъ отъ солнечныхъ лучей разогрѣться и хорошо держитъ лошадь.

Заночевать намъ пришлось на щебнистой осыпи, имѣющей уклонъ до 30°. Лошади безпрестанно сползали внизъ. Бивакъ

невозможный еще и потому, что ни топлива, ни травы здѣсь нѣтъ — пришлось израсходовать послѣдній запасъ фуража (по 3 фунта ячменя на лошадь). Ночью морозъ доходилъ до 4° ниже нуля.

Съ разсвѣтомъ, подкрѣпившись сухарями и спиртомъ, снова поползли на перевалъ. Двѣ версты поднимались болѣе 2-хъ часовъ. Тропу прокладывали зигзагообразно, но было такъ круто, часто до 45°, что лошади падали на колѣна, чтобы не запрокинуться. Щебень сползалъ подъ ногами, и сама лошадь почти при каждомъ шагѣ нѣсколько сползала назадъ, что особенно затрудняло подъемъ. Черезъ каждые 2—3 шага остановка. Одышка страшная. Лучшаго моего жеребца схватилъ «тутэкъ» (горная болѣзнь), и пришлось его бросить подъ переваломъ — раздумывать и тащить его было некогда.

Пошелъ снѣгъ, на вершинѣ перевала дулъ порывистый вѣтеръ, а впереди—сколько глазу видно—цѣлое море льда и снѣга. Перевалъ скалистый и настолько острый, что, казалось, если взорвавъ срѣзать его верхній гребень сажени на двѣ, то этимъ сократится путь не менѣе чѣмъ на полчаса, — такъ трудно дѣлать подъ нимъ послѣднія усилія. Высота перевала 16.100 футъ. Названія онъ опредѣленнаго не имѣетъ, во всякомъ случаѣ не Конгурбатъ (надпись на картѣ въ предполагаемомъ мѣстѣ перевала), и такъ какъ мы преодолѣли его 22 іюля, то и назвали Маріинскимъ. Впослѣдствіи, въ долинѣ Язгулѣма, одинъ старикъ называлъ его Хырджиномъ.

За переваломъ начинается территорія Бухары. Спускъ съ перевала сначала идетъ по неровному снѣжному полю и верстахъ въ 3-хъ поворачиваетъ на ледникъ Вавзадиръ, которымъ мы шли до полудня вдоль правой береговой его морены, большею частью между нею и отвѣсною скалистою стѣною праваго берега. Долины этихъ ледниковъ поражаютъ своимъ бесплоднымъ видомъ: это настоящая пустыня, гдѣ кромѣ льда и снѣга кое-гдѣ виднѣются только угловатый мелкій щебень и голыя скалы.

Верстахъ въ 10 отъ Маріинскаго перевала свернули на ледникъ Кашаль-аякъ, весь загроможденный моренами, пересѣкли его и съ чрезвычайными усиліями, но торопливо (чтобы опять не заночевать въ ледникахъ), начали спускаться по моренамъ и осыпямъ правой его стороны, черезъ ледниковыя трещины и потоки, безпрестанно падая и зачастую вырубая во льду ступеньки для людей и лошадей.

Только къ четыремъ часамъ дня сквозь мокрые хлопья снѣга, сопровождавшаго насъ все время нахожденія на ледникахъ и постепенно замѣнявшагося дождемъ, мы наконецъ увидѣли землю и зелень.

Съ конечной морены ледника мы къ вечеру вступили на твердую почву долины р. Кашаль-аяка, которая благодаря обилію деревьевъ, травы и цвѣтовъ и прояснявшейся погодѣ имѣла оживленный, привѣтливый видъ.

Заночевали верстахъ въ двухъ ниже ледника въ ур. Богуравать. Ширина долины здѣсь около версты. Подножный кормъ, вода и топливо на-лицо и въ изобиліи. Изъ двадцативерстнаго перехода, верхомъ было сдѣлано не болѣе двухъ верстъ. Это былъ ужасный день благодаря трудности движенія, неблагоприятной погодѣ, а главное неувѣренности, что удастся куда-нибудь выбраться изъ этихъ ледниковъ.

Отъ ур. Богуравать продолжали спускаться въ долину Язгулѣма по, большей частью загроможденному камнями различной величины и формы, правому берегу р. Кашаль-аяка. Отсутствіе опредѣленной тропы, а главное, необходимость самимъ устраивать спуски и подъемы черезъ глубокія промоины и текуція въ расщелинахъ горныя рѣчки, или прорубать чащи деревьевъ, — все это очень задерживало насъ.

Р. Кашаль-аякъ—красноватый, текущій въ обрывистыхъ берегахъ потокъ, который катитъ по дну довольно крупные камни, ударяющіеся другъ о друга и производящіе глухой шумъ на подобіе отдаленнаго грома.

Здѣсь имѣются отличныя земли, нѣкогда обитаемыя, а теперь пустующія. Наши малоземельные таджики, сопровождавшіе меня, умоляли исходатайствовать имъ разрѣшеніе эксплуатировать ихъ, хотя бы въ качествѣ пастбищъ, но это владѣнія Бухары. Встрѣчаются рощи и даже цѣлые арчевые лѣса, никому не принадлежащіе, благодаря неудобству сообщеній. По мнѣнію орошорскихъ амина и казія теперь завяжутся сношенія съ Язгулѣмомъ, такъ какъ намъ удалось пройти съ лошадьми и вьюками, открывъ такимъ образомъ дорогу, съ которою провожавшіе насъ ознакомились во-очію. Содѣйствовать улучшенію этого пути легко можно разрѣшеніемъ орошорскимъ жителямъ занять необитаемыя и никѣмъ не посѣщаемыя земли по Кашаль-аяку.

Передъ поворотомъ въ самую долину Язгулѣма переправились черезъ непроходимую въ бродъ р. Кашаль-аякъ по естественному

постоянному мосту, образованному перегородившимъ долину ледникомъ.

Вскорѣ въ ур. Пой-мазоръ увидѣли первые посѣвы, но жителей еще нѣтъ. Они приходятъ сюда только въ низкую воду (весною и осенью) для засѣва и сбора. Здѣсь мы напали уже на слѣды тропы. До перваго кишлака Убагына шли медленно, большею частью пѣшкомъ, исправляя тропу черезъ глубокія промоины, и только въ Убагынѣ, наконецъ, встрѣтили первыхъ бухарцевъ, огорошенныхъ нашимъ появленіемъ съ верховьевъ долины.

Хорошая земля, чудная растительность, а главное бодрый, веселый видъ людей и отсутствіе свойственной нашимъ таджикамъ забитости, — все свидѣтельствуемъ о довольствѣ населенія и почти независимости. Дѣйствительно, ни одинъ бухарскій чиновникъ никогда сюда не достигалъ, благодаря отсутствію дорогъ, кромѣ трудныхъ пѣшеходныхъ тропъ.

Лошадь тоже сюда не доходитъ и поэтому трудно сказать, чему болѣе удивлялась мѣстная молодежь — намъ или виду лошадей, которыхъ она встрѣчала впервые. Только зимою, въ низкую, не столь быструю воду, здѣсь иногда перегоняютъ между кишлаками рогатый скотъ, и то главнымъ образомъ вплавь.

Ниже Убагына переправились на правый берегъ Язгулёма: лошади на арканахъ вплавь, а мы по висячему мосту, по которому для безопасности лучше было проползти, нежели перейти. Подъ мостомъ Язгулемъ бѣшено клокочетъ въ узкой и глубокой тѣснинѣ. Самый мостъ состоитъ изъ двухъ длинныхъ жердей, на которыя наложены хворостъ и необдѣланныя плиты; на концахъ жерди схвачены вицами, чтобы не расползались. При нашемъ прохожденіи одна изъ плитъ выпала и поэтому оставшимъ таджикамъ пришлось дѣлать весьма головоломный прыжокъ надъ пропастью.

За переправу до Басита дорога идетъ по косоугору праваго берега Язгулёма. Здѣсь она находится въ совершенно первобытномъ состояніи. Мѣстами тропа, высоко поднимаясь надъ рѣкою, лѣпится по незначительнымъ выступамъ скаль или же спускается къ самому руслу рѣки и узкою лентою извивается между отвѣсными скалами и круто оборваннымъ берегомъ Язгулема. На такихъ участкахъ каждую лошадь ведутъ двое: одинъ держитъ подъ уздцы, другой за хвостъ, чтобы удержать, если она оступится.

Мѣстами тропа идетъ большими каменистыми, часто ползучими осыпями. Послѣднія очень опасны. Неосторожный шагъ, и сползешь въ пропасть Язгулёма. Привычные таджики, со своими длинными остроконечными палками, перепрыгивая черезъ опасныя препятствія, могутъ еще успѣшно проходить. Нашимъ же людямъ приходится саженой по 50 проползать на четверенькахъ.

За мною по пятамъ слѣдовалъ таджикъ, поддерживая въ опасныхъ мѣстахъ. Однажды все-таки я поскользнулся и началъ ползти по осыпи внизъ въ пропасть рѣки. Ухватиться было не за что—все ползло. Замѣтивши это, таджикъ разбѣжался и силою инерціи протянутою мнѣ палкою вытащилъ на менѣе ползучее мѣсто. Благодаря его находчивости я избѣжалъ неминуемой гибели, потому что паденіе въ эту пропасть означало вѣрную смерть.

Отъ Басита до Джафака— $4\frac{1}{2}$ версты—шли около полутора сутокъ. Нужно было пройти по отвѣсной скалистой стѣнѣ на высотѣ нѣсколькихъ сотъ футовъ надъ рѣкою, цѣпляясь кое-гдѣ за выступы и высѣченныя или образованныя самою природою углубленія для рукъ и ногъ. Въ этомъ $4\frac{1}{2}$ вер. переходѣ содѣйствовало намъ до 40 таджиковъ, которые, плывя на гупсарахъ (надувающихся воздухомъ козьихъ шкурахъ), переправляли лошадей, едва ихъ не потопивъ въ страшной р. Язгулёмъ, а затѣмъ тащили ихъ на арканахъ по лѣвому скалистому берегу, предварительно исправляя пѣшеходные карнизы и балконы.

Отъ Джафака тропа улучшается настолько, что до Джамака мы даже не слѣзали съ лошадей. И по правому берегу Язгулёма имѣется тропа, но лошадь по ней провести невозможно.

Пройденная долина Язгулема ограничена скалистыми снѣговыми горами: съ сѣвера — Ванскимъ хребтомъ, съ юга — Язгулёмскимъ. Грунтъ дороги большею частью каменистый. Растительности много: цѣлыя арчевыя лѣса встрѣчаются по Кашаль-аяку и по ущельямъ ниже Убагына.

Р. Язгулёмъ многоводна, со множествомъ притоковъ; съ конца августа мелѣетъ настолько, что въ верховьяхъ на ней открываются броды. Лѣто, продолжительностью до 6 мѣсяцевъ, жаркое, зима — отъ 3 до 4 мѣсяцевъ, морозная, съ глубокимъ снѣгомъ.

Населеніе долины Язгулёма все таджики, численностью выше Джамака до 400 душъ, размѣщенныхъ въ 50 кибиткахъ. Натуральной повинности никакой не несутъ, а подати платятъ чѣмъ

попало. Въ переводѣ же на деньги съ описанной части долины Убагынскій аминъ отсылаетъ Дарвазскому беку всего около 100 рублей.

Важнѣйшими пунктами долины являются кишлаки Убагынъ—9 кибитокъ и Джамакъ—25 кибитокъ.

Постройки по Язгулёму просторны и благоустроены, но кибитки въ кишлакахъ очень разбросаны. Топливомъ всюду служатъ дрова.

Главное занятіе населенія — земледѣліе. Урожаи хороши, не менѣе самъ-десяти. Собирается хлѣбовъ свыше 3 тыс. пудовъ выше Джамака, а въ одномъ Джамакъ еще до 4 тыс. пудовъ. Пшеница составляетъ около половины сбора.

Скотоводство развито слабо. Лошадей въ долинѣ нѣтъ, исключая 7 штукъ въ Джамакъ; ишаковъ и верблюдовъ совсѣмъ нѣтъ; крупнаго рогатаго скота до 150, а барановъ и козъ до 500 головъ.

На огородахъ сѣютъ рипакъ, ленъ, табакъ, а начиная отъ Джафака—арбузы и дыни. Въ садахъ много тутовыхъ деревьевъ, урюка, яблонь, а въ Джамакъ—груши и вишни.

Охотою занимаются мало благодаря недостатку и несовершенству самодѣльныхъ ружей.

Въ верхней части Язгулёма занимаются добываніемъ золота изъ песка съ береговъ рѣки. Ежегодно, по словамъ амина, добываютъ рублей на 50, но вѣроятно больше, такъ какъ почти въ каждомъ домѣ мнѣ показывали золотого песку рублей на десять.

Ремесленниковъ спеціалистовъ нѣтъ, но въ каждой семьѣ приготавливаютъ все необходимое для домашняго обихода: и платье, и обувь (опанки изъ козлиной кожи, на подобіе чулокъ).

Перевозочныхъ средствъ никакихъ нѣтъ: сообщеніе по Язгулёму исключительно пѣшее, и всѣ тяжести переносятъ таджики на своихъ плечахъ, въ спеціально приспособленныхъ для спины чловѣка корзинахъ.

Въ общемъ, доселѣ никѣмъ изъ европейцевъ непройденная долина Язгулёма, въ настоящее время стала доступна путешественникамъ. Правда, разработанные на дорогѣ спуски и подъемы могутъ подвергнуться порчѣ, но зато направленіе пути теперь стало извѣстнымъ и вполнѣ опредѣленнымъ для мѣстныхъ жителей.

Главная трудность заключается въ преодоленіи перевала Ма-

ринскаго и особенно въ переправѣ у Басита, но устройствомъ здѣсь прочнаго моста въ обходъ скалистой стѣны выше Джафака можно свести на нѣтъ и это препятствіе.

Отъ Джамака въ долину Ванча двинулись черезъ пер. Гушхонъ по узкому ущелью Оби-гушхонъ, представляющему непрерывный, мѣстами очень крутой подъемъ по каменистымъ осыпямъ и гребнямъ выступающихъ въ ущелье скалъ. Передъ подъемомъ на снѣжникъ перевала ущелье расширяется въ небольшую, покрытую кое-гдѣ травю горную котловину, на которую водопадомъ спадаютъ ручьи, составляющіе рѣчку Гушхонъ, нѣсколько разъ пропадающую въ среднемъ теченіи подъ каменистою почвою и затѣмъ бурнымъ каскадомъ доходящую до самаго устья около кишлака Джамакъ. Подъемъ на гребень перевала крутъ и большею частью идетъ по снѣжнику, замкнутому какъ стѣною осыпью перевала. Спускъ съ него нѣсколько положе подъема, такъ какъ ущелье опускается къ долинѣ Ванча нѣсколькими ясно выраженными террасами.

Съ засыпанныхъ снѣгомъ вершинъ близъ перевала сбѣгаютъ въ ущелье ручьи, пропадающіе въ верхней его части подъ почвою и вырывающіеся наружу нѣсколькими стремительными потоками близъ самаго выхода на Ванчъ. Въ обоихъ ущельяхъ есть немного арчи, большею частью разбросанной по склонамъ горъ.

Спѣшиваться безусловно необходимо при подъемѣ на гребень по снѣжнику и въ началѣ, при спускѣ съ него. Высота перевала 14.460 футъ. Открывается онъ, обыкновенно, на 3 мѣсяца въ году.

Спустившись въ долину, перешли по прочному мосту черезъ р. Ванчъ и достигли небольшой крѣпостцы въ красивомъ и многолюдномъ Рохарѣ, главномъ кишлакѣ Ванчскаго амлякдорства. Около моста имѣются также и броды, но глубокіе и небезопасные.

Изъ Рохара ѣздилъ къ Пянджу на Афганскую границу по хорошей, хотя и вьючной дорогѣ, проходящей по мѣстности культурной и населенной. Движеніе по дорогѣ большое. Идетъ она большею частью по карнизамъ праваго берега Ванча и только, приближаясь къ Пянджу, спускается въ самую долину рѣки, гдѣ грунтъ сыпучій песокъ.

Въ бинокль, съ нашего берега Пянджа, отлично виденъ афганскій кишлакъ Джумарчъ съ крѣпостцою, въ которой, по словамъ

перебъжающихъ на другую сторону мѣстныхъ бухарцевъ, гарнизонъ составляетъ 30 пѣшихъ солдатъ съ офицеромъ. Солдаты смѣняются черезъ каждые два года.

Послѣ возвращенія въ Рохаръ выступили вверхъ по долинѣ Ванча. Долина эта и пути изъ нея подробно описаны въ «Дарвѣзѣ» Кузнецова и поэтому останавливаться на нихъ въ данномъ очеркѣ не буду.

Путей изъ долины Ванча нѣсколько. Я вышелъ черезъ труднѣйшій переваль Сытарги, высоту котораго я опредѣлилъ въ 14.850 футъ. Затѣмъ спустился въ долину Хингоу, прошелъ все амлякдорство Вахию-боле, въ которомъ дороги, хотя и вьючныя, но вполнѣ удобопроходимы и, наконецъ, черезъ переваль Гардани-кафтаръ (выс. 12¹/₂ тысячъ футъ) спустился въ долину Сурхоба или Алайскую. Такъ какъ нужно было торопиться съ возвращеніемъ, то, пройдя послѣдній переваль, я оставилъ конвой и вьюки и, дѣлая по 80 верстъ въ день, достигъ черезъ четыре дня гор. Скобелева, Ферганской области.

Обращаясь ко всему пройденному пути, могу оцѣнить его по участкамъ слѣдующимъ образомъ:

1. Большая Памирская дорога и дорога по Алаю лѣтомъ допускаютъ движеніе не только вьючное, но даже и колесное. Для прохожденія экипажа только въ исключительныхъ мѣстахъ, можетъ быть, придется обратиться къ помощи людей.

Но на продовольствіе и зерновой фуражъ можно рассчитывать только при содѣйствіи администраціи, и то не вездѣ, почему и слѣдуетъ нѣкоторые запасы везти съ собою; зато мясо и отличный подножный кормъ найдется повсюду.

Зимою препятствіе составитъ пер. Талдыкъ, который настолько заносится снѣгомъ, что съ трудомъ проходятъ его даже одиночные почтовые джигиты.

2. Отъ Дараутъ-кургана вплоть до долины Ванча по моему пути можетъ пройти лишь небольшая группа путешественниковъ съ легкими вьюками лѣтомъ, лучше во вторую половину его. При устройствѣ же мостовъ по Танымасу и Язгулѣму можно было бы провести и значительную экспедицію, но только въ томъ случаѣ, если заранѣе устроить при содѣйствіи туземной администраціи склады довольствія пути. Для безпрепятственнаго движенія желательнаго было бы еще намѣтить и обозначить самую тропу.

3. Что касается ледниковъ, по которымъ въ общей сложности

сдѣлано около двухсотъ верстъ, то ходьба по нимъ очень утомительна, вслѣдствіе неровностей ихъ: то и дѣло приходится или круто сбѣгать по ледяной наклонной плоскости въ ложбины, или выбираться изъ нихъ по труднымъ склонамъ. Ледники же Федченко и Танымасъ можно назвать почти непроходимыми. Проникнуть туда съ научною пѣлюю возможно только при наличіи солидныхъ специальныхъ средствъ.

4. Въ долину же Ванча по пути, которымъ я возвращался черезъ ледникъ Сытарги, можетъ пройти лѣтомъ экспедиція какой угодно численности, но и здѣсь желательно заранѣе заготовить средства довольствія. На мѣстныя средства если и можно рассчитывать, то только во время уборки хлѣбовъ, но и это будетъ въ ущербъ населенію, у котораго къ веснѣ никакихъ запасовъ не остается.

Въ заключеніе, долженъ подѣлиться и общимъ впечатлѣніемъ поѣздки: какъ ни трудны вообще тропы на Памирахъ и въ Дарвазѣ, но по извѣстной кому-нибудь дорогѣ итти гораздо легче, чѣмъ впервые пролагать самому тропинки по непроходимымъ, и особенно, невѣдомымъ мѣстамъ, когда сопровождающіе васъ туземцы, вмѣсто указанія пути, показываютъ на небо, говоря: «Богъ знаетъ, можетъ и пройдемъ, если Ему будетъ угодно!»
